

ПЕЧАТЪ И ИСКУССТВО

А. П. Чеховъ. (1902 г.)
(Къ 10-лѣтію со дня кончины—2 июля).

XVIII годъ изданія. 1914
№ 26

Маленькая хрощика.

*** Чеховъ—въ театрѣ.

Суворину Чеховъ пишетъ:

— Вы пишете, что театрѣ влечетъ къ себѣ потому, что онъ похожъ на жизнь. Будто-бы? А по моему театрѣ влечетъ васъ и меня и изсушилъ Щеглова, потому что онъ—одинъ изъ видовъ спорта. Гдѣ успѣхъ или неуспѣхъ, тамъ и спортъ, тамъ азартъ...

Ө. Д. Батюшковъ рассказываетъ, что когда онъ сталъ разспрашивать Чехова о названіи и сюжетѣ новой пьесы («Вишневый садъ»), то А. П. улыбнулся:

— А вотъ Станиславскій не спрашивалъ меня о сюжетѣ, пьесы еще не читалъ, а спросилъ, что въ ней будетъ, какіе звуки? И, вѣдь, представьте, угадалъ и нашелъ...

— Неужели это такъ важно—этотъ звукъ?—спросилъ Батюшковъ.

Антонъ Павловичъ посмотрѣлъ строго и коротко отвѣтилъ: «Нужно»...

Въ многочисленныхъ разсказахъ актеровъ о тайнахъ закулиснаго творчества въ Художественномъ театрѣ повѣствуется, какъ на репетиціи плотникъ случайно стукнулъ палкой и это дало настроеніе сценѣ отъѣзда въ «Дядѣ Ванѣ» (топотъ лошадей)—«уѣхали!» какъ въ «Вишневомъ саду» всѣ, до Станиславскаго включительно, «стояли на звукахъ» всего пернатого царства и какъ Вишневскій курдыкалъ голубемъ и Чеховъ замѣтилъ:—Но это же египетскій голубь!.. И какъ дядю Ваню играли гряз-

нымъ, дохматымъ, и изъ смазныхъ сапогахъ и былъ недо-
поленъ. Чеховъ — вѣдь у дяди Вани шелковый галстухъ!
А у Тригорина-де клѣтчатые брюки и дырявые сапоги и
пр. и пр.

Могъ-ли умный и тонко-насмѣшливый, Чеховъ не при-
мѣтить всей карикатурности священнодѣйствующихъ
снѣрковъ? Конечно, примѣтилъ и это сказывается даже
въ краткихъ Чеховскихъ репликахъ...

«Литература, — по Чехову, выше театра. Эта мысль на-
стойчиво пропагандируется въ письмахъ къ Щеглову:
«Занимайтесь беллетристикой. Она Ваша законная жена,
а театръ это напудренная любовница...»

«Я всей душой и всѣмъ сердцемъ ненавижу Ваши
театральная дѣла».

«Театръ. — это змѣя, сосущая Вашу кровь. Пока въ
Васъ беллетристъ не побѣдитъ драматурга, до тѣхъ поръ
я буду ѣсть Васъ и предавать Ваши пьесы проклятію...»

«Очень радъ, что Вы охладѣли къ Мельпоменѣ и пер-
нулись въ родное лоно беллетристики...»

«Когда я испишусь, — пишетъ онъ Суворину, — то стану
писать воденили и жить ими...»

«Всякій человѣкъ можетъ написать пьесу, которую
можно поставить».